

НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ

[...]
В 1986-1987 гг. был отмечен ростом числа забастовок и прочих трудовых конфликтов в СССР. Конфликты различной длительности и напряженности имели место во многих отраслях промышленности и регионах страны, в том числе в крупных городах РСФСР, в Прибалтике, Закавказье и других республиках бывшего СССР. Особенно много таких конфликтов происходило на предприятиях легкой промышленности, в строительстве, в горной промышленности.

В советских официальных СМИ об этих трудовых конфликтах не сообщалось, они регистрировались только органами внутренних дел и КГБ. Все эти забастовки были спонтанными и не сопровождались образованием стачечных комитетов. Они никак не были связаны друг с другом.

Вадим Борисов в своем исследовании «Забастовки в угольной промышленности (ана-

лиз шахтерского движения за 1989-99 гг.) пишет: «Несмотря на репрессии, недовольство рабочих продолжало нарастать. При кажущейся неожиданности забастовка 1989 г. была подготовлена всем ходом предшествующих событий. Весной 1989 г., еще до шахтерской забастовки, принявшей характер всесоюзного выступления, по всей России прокатилась волна забастовок локального характера, в том числе и на угледобывающих предприятиях Кузнецкого и Печорского угольных бассейнов. Так, рабочие одной смены шахты «Северная» в Воркуте провели в начале марта подземную сидячую забастовку, протестуя против произвольного изменения величины их зарплаты. Эта забастовка переросла в краткосрочную голодовку с требованием прекратить работу по воскресеньям, ввести 6-часовой рабочий день, сократить управленческий аппарат, уволить директора, увеличить оплату за ночную работу, объявить о создании независимого профсоюза, единогласно названного «Солидарность». В городе прошли митинги поддержки, но забастовка прекратилась с наплывом партийных чиновников и быстрой уступкой некоторым требованиям рабочих» [Труд. 1989. 10 март.; наши интервью; Ильин, 1998].

«Разбуженные» забастовкой воркутинские шахтеры собрались 10 июня, чтобы создать городской рабочий комитет.

[...]
Как видим, лозунги забастовщиков не были в себе ничего специфически антисоветского или антикоммунистического. По крайней мере, на начальном этапе движения. Ситуация, однако, вскоре начала меняться.

Характерна реакция властей, как местных, так и союзных, на начало массовых протестов. Рой Медведев отмечает: «Кемеровский обком КПСС осудил забастовки и под угрозой исключения из партии запретил коммунистам в них участвовать. В заявлении обкома, в частности, говорилось: «Как показывают события последнего времени, лозунгами демократизации, гласности, расширения прав и свобод человека все чаще пользуются те, кто хотел бы превратить демократию в распущенность, беззаконие, вседозволенность. Об этом, в частности, говорят факты групповых отказов трудящихся от работы, имевшие место на предприятиях Кемерово, Новокузнецка, Междуреченска, Осинников, Киселевска».

Далее события приняли оборот, неожиданный не только для властей, но и, видимо, для самих шахтеров. Всеобщая волна забастовок на Кузбассе началась с города Междуреченска. 10 июля забастовала шахта им. Шевякова, откуда движение быстро перекинулось на другие шахты. Этой забастовке предшествовал длительный процесс подачи жалоб, петиций, столь знакомый многим советским людям, вступавшим на дорогу борьбы за свои права.

Рабочие начали формулировать требования к властям. Еще в конце 1988 года горняки направили письмо в телепрограмму «Прожектор перестройки». Основными содержащимися в нем требованиями были повышение зарплаты, сокращение управленческого аппарата, а так же улучшение питания, решение проблем с транспортом и т.д. Эти требования как бы вдруг, в условиях гласности, указывали странным образом на то, что советское общество не было обществом равноправия и социальной справедливости, где рабочий класс был в совокупности «правящим классом».

В первые же дни забастовки шахтеры избрали забастовочный комитет и послали своих делегатов на шахты им. Ленина, «Томская», «Усинская» и «Распадская». Рабочие со всех шахт собрались на митинг на главной площади города и избрали городской забастовочный комитет. Этот комитет сразу же принял на себя властные полномочия. Им была запрещена торговля алкоголем, созданы рабочие дружины, которые следили за порядком. За время забастовки в горо-

де не было совершено ни одного преступления. Алкогольные напитки можно было приобрести только с письменного разрешения забастовочного комитета в связи со свадьбой или поминками.

Так начиналось в СССР массовое рабочее движение. Оно составило, вместе с национально-освободительным и правозащитным, общий освободительный поток. Движение, возможность возникновения и массовость которого трудно было себе представить еще за год до этого. Советские рабочие в массе своей вдруг почувствовали себя хозяевами положения, теми, кто смог заставить власть считаться с собой. Без преувеличения можно сказать, что это был апофеоз советской истории, эволюции общественных процессов, протекавших в СССР в течение длительного периода. Однако это был не просто апофеоз, это было начало конца СССР!

вым, фактически подменили требования горняков своими, главным из которых было требование экономической независимости предприятий (в тот момент рабочие нигде не выдвигали ничего подобного). Таким образом, бюрократия использовала рабочее движение в своих классовых корыстных целях.

[...]
Вскоре забастовка перекинулась и на другие города Кузбасса - Осинники, Прокопьевск, Новокузнецк, Киселевск, Белово, Ленинск-Кузнецк, Кемерово, Березовский, Анжеро-Судженск. Везде события шли по сценарию Междуреченска. Требования рабочих почти везде были одинаковыми, и везде бюрократия, выступая от имени рабочих, протаскивала свои требования к Москве.

Шахтеры в массе своей, не получили в течение советского периода возможности приобрести опыт классовой борьбы, не полу-

чили «прививки» здорового недоверия к политикам всякого сорта. В итоге они оказались на удивление восприимчивыми к лозунгам различного рода политических проходимцев и авантюристов, а также «своих собственных» начальников, многие из которых, к тому же, сами вышли из шахтерской среды.

По сути, именно в этом факте можно и нужно искать одну из основных причин потери шахтерами контроля над ситуацией, уступки в дальнейшем ими реальной власти над ней, очень кратковременного и скоротечного, отдельным слоям правящей бюрократии, дальнейшего спада массового движения, его перерождения и заката в 1990-е годы. Одну из основных, но не единственную.

Интересно что, попытки представителей «демократических» организаций (Народный Фронт Литвы, затем Саюдис, Демсоюз и др.) вести агитацию среди забастовщиков повсеместно проваливались с треском. Шахтеры просто не допускали их летом 1989 года на трибуну митингов, а в некоторых случаях рабочие дружины даже изгоняли «демократов» из городов.

События, однако, стремительно развивались, и вовсе не по сценарию самих шахтеров. «Так, например, когда забастовка (в 1989 г.) охватила весь регион, встал вопрос о создании регионального забастовочного комитета. Он был сформирован на собрании представителей местных комитетов в Прокопьевске, в составе 26 человек. Стремившаяся получить полный контроль над движением, чтобы сначала перевести его в нужное для себя русло, а потом и вовсе свести на нет, местная бюрократия всячески старалась с одной стороны расколоть забастовщиков, оторвав рабочих лидеров от основной массы, а с другой - протаскивать своих людей в забастовочные комитеты. Во многом ей это удалось».

Председателем регионального забастовочного комитета был избран представитель «прокопьевского клана» Теймураз Авалиани, народный депутат Верховного Совета СССР и заместитель директора по капитальному строительству в ведомстве «Кузбассуголь». Позже он стал широко известен как «коммунист». Но тогда, 8 августа 1989 года, выступая на пленарной сессии обкома, посвященной итогам забастовки, Авалиани открыто призывал к скорейшему переходу к рыночной экономике.

18 июля было подписано соглашение между забастовочным комитетом и представителями правительства. Правительство пошло на значительные уступки рабочим. Но, с другой стороны, шахтеры, по этому соглашению, должны были распустить свои забастовочные комитеты. Уже вскоре движение пошло на спад. Забастовка была прекращена» (В. Борисов. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989-99 гг.). Факты, говорящие о многом...)

Одним из феноменов шахтерского движения стал зарождение новых структур рабочего самоуправления в районах забастовок. Такими структурами стали, помимо забастовочных и стачечных, рабочие комитеты, а в дальнейшем - Союз Трудящихся Кузбасса и Съезды Рабочих.

17 июля 1989 г. шахтерами был сформирован Кемеровский областной стачечный комитет. Чинovníком ЦК КПСС, Правительства СССР и советской «профсоюзной» федерации ВЦСПС пришлось садиться за стол переговоров с этим новым органом, созданным шахтерами.

Шахтеры, после окончания забастовки, сохранили на некоторое время (до прекращения существования СССР) забастовочные (рабочие) комитеты в городах и регионах. Они стали органами контроля со стороны рабочих за выполнением Постановления Совета Министров СССР от 3 августа 1989 г. № 608 «О мерах по обеспечению выполнения совместных решений, принятых прави-

ТЕЛЬСТВЕННЫМИ КОМИССИЯМИ С УЧАСТИЕМ ВЦСПС И ЗАБАСТОВОЧНЫМИ КОМИТЕТАМИ ТРУДЯЩИХСЯ УГОЛЬНЫХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ» и региональных соглашений.

Забастовочные (рабочие) комитеты шахтеров в 1989-90 годах были фактически параллельными структурами власти. Ни одно важное решение на предприятии или в местных органах власти не принималось без согласования с ними.

Забасткомы пытались изменить и работу профсоюзов. Выражая мнение шахтеров, они требовали от выборных профсоюзных работников перестроить свою работу, выйти из-под влияния КПСС, руководства предприятий и встать на сторону рабочих. Однако профсоюзы отказались перестраивать свою работу. Тогда представители забастовочных комитетов приняли решение о проведении всесоюзного съезда шахтеров.

Как видим, эти органы стали на какое-то очень недлительное время подлинными органами рабочей власти, которые взяли на себя функции управления в городах Кузбасса и некоторых других областей в момент паралича на местах государственной власти, прежде всего власти партийных комитетов, растерявшихся и оказавшихся неспособными влиять на события.

Новый подъем рабочего движения пришелся на 1990 год. Однако число забастованных оказалось тогда намного меньше, чем в 1989 году. Продолжили свою деятельность и созданные шахтерами структуры самоуправления. 16-17 июня 1990 года в Донецке прошел первый в истории СССР съезд рабочих организованной самими рабочими. В составе съезда на 80% были делегаты из рабочих и около 17% - делегаты от инженерно-технического персонала.

Обсудив ситуацию в стране, в угольной отрасли и в профсоюзах, съезд пришел к выводу, что шахтерам нужно иметь постоянно-действующее соглашение с Правительством. Съезд проголосовал за необходимость создания нового профсоюза и принял решение о проведении II-го съезда шахтеров. Он сформировал организационный комитет II-го съезда, поручив ему подготовить проекты документов, необходимых для создания профессионального союза. Съезд принял заявление о том, что КПСС не представляет интересы рабочих. «Так как рабочий, при руководстве страной КПСС, стал не хозяином страны, а остался в положении рабочей силы, а всякая попытка изменить этот статус - действия рабочих в соответствии с коммунистической идеологией, желающих быть коллективным хозяином - наталкивается на противодействие КПСС и администрации предприятий» [из документов Съезда].

11 июля 1990 года, по решению I съезда шахтеров СССР была проведена однодневная политическая забастовка и в основных угледобывающих регионах СССР - Кузбассе, Донбассе, Воркуте и Караганде, партийные комитеты КПСС начались выводиться с предприятий.

Второй съезд шахтеров СССР прошел 24-26 октября 1990 года в городе Донецке. На съезде присутствовало 814 делегатов. Съезд утвердил проект Генерального типового тарифного соглашения между шахтерами и Правительством СССР. Затем съезд был преобразован в Учредительный съезд профсоюза горняков и, после продолжительных дискуссий, был учрежден Независимый профсоюз горняков СССР - за его учреждение проголосовало 642 делегата.

Далее ситуация осложнилась углублением кризиса, попыткой путча и финальной драмой распада СССР. Все те события не могли не сказаться на движении шахтеров и на рабочее движение в целом. Рой Медведев отмечает, что «к лету 1991 года рабочее движение в СССР начало само собой стихать и сокращаться. Вся страна погружалась в кризис. Государство начало распадаться и никакие объединенные стачкомы или федерации трудящихся помешать этому не могли».

[...]

Печатается с небольшими стилистическими изменениями. Полный текст статьи, в том числе «размышления по поводу нынешней ситуации в рабочем движении», размещен на сайте МРП -

<http://marxist.su/lib/101.pdf> (317 кб)

ИЗ СТАТЬИ ЮРИЯ С.
«ШАХТЕРСКИЕ ЗАБАСТОВКИ 1989 ГОДА В СССР И НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ
НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ»

ПОВОРОТЫ И ЗИГЗАГИ
ШАХТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Выше уже упоминалась некая роль советской номенклатуры в событиях того времени, как, впрочем, и последовавших за ними реформах. Нет сомнения, что, например, Б. Ельцин, быстро набравший к тому времени «политический вес», всячески использовал шахтерские забастовки в борьбе за власть. Можно без преувеличения сказать, что шахтеры в дальнейшем если и не стали решающей силой, приведшей Ельцина к власти, то, по крайней мере, сделали все, чтобы проложить ему туда путь.

[...]
Некоторые лидеры рабочих комитетов Кузбасса, в марте 1991 года заявили о создании Координационного совета стачечных комитетов. Такие действия были нарушением принятых в феврале 1991 года на совместном заседании представителей организаций Независимого профсоюза горняков и забастовочных (стаечных) комитетов решений о характере требований и способах их координации.



Оказавшись в руководящих органах забастовки шахтеров марта-апреля 1991 года, эти «лидеры» сумели навязать остальным свое мнение о необходимости выдвижения политических требований, в частности, отставки Президента СССР, а не требований о заключении Генерального типового тарифного соглашения между шахтерами и Правительством СССР и введения элементов повременной оплаты труда.

Одно из основных требований Второго съезда шахтеров СССР - установление тарифной ставки шахтера в размере реального прожиточного минимума работника занятого тяжелым физическим трудом, включаемого в себя затраты на питание и необходимые товары, различные услуги и обязательные платежи, сборы (в том числе на оплату услуг ЖКХ) и иные необходимые расходы, было этими «лидерами» проигнорировано.

Таким образом, общесоюзная забастовка шахтеров из экономической превратилась в политическую, а ее результатами воспользовались в первую очередь политики, а не шахтеры - наступило время распада Советского Союза со всеми вытекающими из этого последствиями.

Можно, также, привести слова Юрия Болдырева, одного из лидеров шахтерского движения Донбасса в тот период: «Ельцин опирался на Кузбассовские стачкомы и именно они стали той силой, которая позволила ему сломать СССР» (<http://www.segodnya.ua/news/14062116.html>).

[...]
Местные власти, первоначально растерявшись перед мощным импульсом шахтерского движения, быстро сообразили, что из этого можно извлечь пользу. Они заявили о своей поддержке бастующих и принялись усиленно обвинять во многих грехах Москву и союзный центр. Кроме того, местная администрация и руководство шахт, выступая от имени рабочих перед министром Щадо-

